

**РИТОРИКА РАННЕГО ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИЗМА
И УЧЕНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИОАННА АРГИРОПУЛА**

© 2007 г.

П.А. Рязанов

Нижегородский государственный педагогический университет

vestnik_nngu@mail.ru*Поступила в редакцию 18.04.2007*

В течение первой половины кватроченто центральное место в интеллектуальных и литературных приоритетах итальянских гуманистов занимала риторика и связанные с ней предметы гуманитарного цикла. При этом метафизическая философия (в отличие от моральной) и естественные науки считались наименее полезными для жизни. Однако во второй половине XV в. под влиянием ученых занятий Иоанна Аргиропула во Флоренции интерес итальянских гуманистов к риторике и морально-философским проблемам стал уступать место интересу к спекулятивной и естественной философии.

До середины XV в. флорентийский гуманизм, ярко представленный творчеством Франческо Петрарки, Колуччо Салютати и Леонардо Бруни, был ориентирован, прежде всего, на поиски истинного красноречия. Под риторикой гуманисты не подразумевали пустую помпезность или искусственную красоту речи ради нее самой и, конечно, не отождествляли ее с софистикой в общепринятом смысле, т.е. с использованием заведомо ложных, вводящих в заблуждение доводов и словесных манипуляций. Истинное красноречие, согласно гуманистам, возникало из гармоничного союза мудрости и стиля. По мнению Бруни, оно должно было сделать философское знание убедительным и действенным, так как простое знание принципов жизни само по себе является незначительным. Гуманисты полагали, что искусство красноречия способствует наиболее эффективному формированию человека, обеспечивая его жизненными принципами, наделяя способностью убеждать и побуждая к тренировке ума. В отношении гуманистов к знанию доминировал принцип уместности и полезности для жизни. Исходя из этого, они обрушивались с критикой на схоластиков с их абстрактными спекуляциями и лишенным изящества латинским языком. Они ориентировались, скорее, на риторику, нежели на логику, на этику, скорее, чем на метафизику; интересовались, скорее, вопросами образования, нежели вопросами эпистемологии, скорее, предметом литературы, чем естественной философии [1].

Следуя за Цицероновской традицией в оценке красноречия, гуманисты сделали оратора главным героем раннегуманистической культуры. Именно в его власти было наставлять, восхищать и обращать людей к наиболее важным целям, первенство среди

которых принадлежало добродетели. По мнению Петрарки, именно ораторы «направляют и вонзают в сердце острейшие и самые жгучие жала речи, которыми ленивые приводятся в движение, замерзшие воспаляются, уснувшие пробуждаются, слабые становятся крепкими, падшие поднимаются, а те, которые придерживаются земли, возвышаются до высочайших мыслей и благородных помыслов. Тогда земное уже становится ничтожным, а явные пороки вызывают огромную ненависть; добродетель и форма и как бы видимый облик честности, как утверждает Платон, созерцаются внутренними глазами и порождают удивительную любовь к мудрости и себе» [2].

В трактате «О научных и литературных занятиях», написанном в 20-е гг. XV в. для Баттисты Малатеста, Леонардо Бруни призывал тех, кто хочет сохранить «неиспорченный язык», особенно женщин, не забывать сочинения ораторов: «Ибо кто имеет обыкновение более страстно превозносить добродетели или более неумолимо обличать пороки? У них мы учимся и восхвалять благодетельные, и ненавидеть злодейские поступки, утешать, убеждать, побуждать и устрашать. Хотя все это делают и философы, однако, я не знаю, каким образом, именно во власти ораторов находятся и гнев, и милосердие и всякое другое побуждение и подавление души. Далее, отличительными инструментами ораторов являются те украшения, словесные и мысленные, которые, подобно звездному сиянию, освещают речь и делают ее удивительной и которые мы заимствуем у них для письма и разговора и, когда потребует дело, обращаем в свою пользу. Наконец, мы берем у них все словесное богатство, всю силу высказывания и в качестве вооружения, так

сказать, всю живость и жизненную силу речи» [3]. Для Бруни глубокое владение языком было фундаментом знания, без которого «никто не сможет построить для себя ничего высокого и славного. Ибо не получивший такого знания не поймет с достаточной ясностью сочинений ученых людей, а если станет писать что-то сам, то может показаться смешным» [4].

Непревзойденным гением ораторского искусства для Бруни был Цицерон, а среди сочинений Аристотеля гуманиста интересовали прежде всего трактаты, связанные с гражданской жизнью, что отражают его переводы «Этики» и «Политики», в которых он находит яркий пример красноречия философа [5]. Весьма показательно, что дисциплины, не входившие в гуманитарный цикл, расценивались Бруни как не имеющие практической пользы. Его отношение к этой области знания ясно высказано в трактате «Введение в науку о морали», посвященном Галеотто Риказоли. Для достижения истинного блага и преодоления скрывающих его ошибочных суждений, пишет здесь Бруни, «необходимо просить помощи у философии, которая, если однажды удостаивает нас своим светом, рассеивает туман, который приводит нас в замешательство, и отделяет истинный путь от ложного. Конечно, я помню, что с ранних лет ты изучал философию, которая относится к познанию природы. Она, хотя и является возвышенной и совершенной, все-таки имеет меньшую пользу для жизни, чем та, которая спускается к нравам и добродетелям людей. Разве тот, кто будет знать, как возникают дожди, и снега, и цвета радуги, будет лучше подготовлен к хорошему образу жизни, нежели в том случае, если бы он никогда не узнал этого, или разве будет более совершенной жизнь того, кому будут известны гало и знойные смерчи, нежели если бы они вообще не были ему известны! Подобны этим примерам и все остальные, что заключаются в ней (естественной философии): они содержат исключительный блеск знаний, но не содержат пользы для жизни. А ведь есть и другая философия, целиком, как я бы сказал, относящаяся к нашей жизни. Таким образом, те, которые, оставляя ее без внимания, обращаются к изучению физики, кажется, занимаются чужим делом, пренебрегая своим собственным» [6]. Для Бруни, как и для большинства ранних гуманистов, философия означала этику или практическую философию в противоположность чистой спекуляции. Обращаясь к философским проблемам,

гуманисты старались применять, до некоторой степени, методы и понятия риторики. В соответствии с нормами красноречия они выбирали то, что было понятным и полезным, обычно направляя усилия на упрощение или даже популяризацию философских систем. Они были более заинтересованы в показе существенных сходств и совместимости идей, нежели во внимательном разграничении различных направлений [7].

Необходимо отметить влияние на Бруни работ греческого ритора Элия Аристиды, представителя «Второй софистики», считавшего ораторское искусство вершиной духовной деятельности человека и посвятившего часть своих речей защите риторики от философии. В частности, Аристид был источником для создания Бруни панегирика в честь любимого города – «Laudatio Florentinae urbis» или «Похвала городу Флоренции» [8]. В этом произведении, написанном между 1403 и 1404 гг. [9], Бруни первым сделал попытку анализа флорентийских государственных учреждений, который показывал их взаимодействие и единство [10]. В соответствии с интересами ранних флорентийских гуманистов Бруни искал греческие риторические тексты, в которых можно было найти материал для прославления республиканизма его города. Существуют основания предполагать, что он попросил помощи у своего прежнего учителя и что Хрисолор обратил внимание Бруни на «Panathenaikos», хвалебную речь Аристиды, прославляющую достоинства Афин. Уровень знаний и политический кругозор византийского дипломата и учителя были достаточно широки. Он длительное время провёл в Италии, имел представление о республиканском устройстве Флоренции и других городов, безусловно, знал о борьбе флорентийцев с герцогом Милана Джангалеаццо Висконти. Высока была и степень его эстетического восприятия, о чем свидетельствуют написанные им «Римские письма». Говоря о «Laudatio», нужно подчеркнуть, что она явилась первым по-настоящему зрелым продуктом историко-политической мысли, основанной на греческих штудиях, а сам создатель «Laudatio», по мнению Х. Барона, стал первым гуманистом, который не просто подражал греческим политическим моделям, но применял их творчески к событиям и явлениям современной ему эпохи [11]. Он проецировал сложившуюся в античности модель образцового полиса, не слишком большого, чтобы это не препятствовало волеизъявлению народа, и живописно расположенного, на

современную ему Флоренцию. Подобно Афинам, спасшим, согласно Аристиду, греческую свободу от персидского деспотизма, Флоренция, благодаря своему республиканскому строю, сохранила гражданскую свободу и одержала победу над Джангалеаццо Висконти.

Любопытны и явные параллели между текстами «Laudatio» и «Panathenaikos». Сердце Греции, по мысли Аристида, находится в Афинах, географическом и культурном центре мира. Подобно тому, как звезды окружают луну, так и Киклады и другие острова Эгеиды расположены вокруг Аттики. Именно здесь по причине удаленности от варварского мира сохранилась высокая и древняя культура: «Аттика находится очень далеко от варваров, и насколько она удалена от них местоположением, настолько различается и нравами... Будто к середине круглого щита тянется Греция от каждого края и опоясывает ее окружностями, отчасти морскими, отчасти земными... Известно, что Аттика сохранила чистые, неиспорченные нравы, и что оттуда распространился точный, безупречный, а также приятный стиль речи, которому подражали все греки». «Ибо как в окружностях щита, поочередно заключенных друг в друге, пятая, являясь самой красивой из всех, занимает место умбона, так и Греция находится в центре всех земель и заключает в середине себя Аттику, в центре которой, в свою очередь, расположен Город, а в центре него – Акрополь» [12].

В «Laudatio» Бруни приспособил эту древнюю модель «идеального города» к условиям Тосканы. Это не было простым механическим воспроизведением некоторых риторических образцов античности, но, скорее, их творческое применение для создания собственной картины окружающей действительности. Х. Барон обозначал такой подход термином «имитация»: Бруни заимствовал у Аристида схематические модели, чтобы затем изобразить живописные виды Тосканы как часть некоего рационального порядка. Он описывал Флоренцию и долину Арно глазами зрителя, находящегося на высоком горном склоне. Прилегающая к городу округа и сам город изображались в виде сходящихся к центру правильных колец: так, виллы превосходили красотой отдаленные пейзажи, предместья – виллы, а сам город – предместья [13]. Здесь мы видим ту же любовь к геометрической регулярности и пропорциональности, что и на картинах флорентийских художников кватроченто. Приведенный ниже отрывок создает наглядное

представление о степени влияния на Бруни работы Аристида и, вместе с тем, о высоте его собственного литературного мастерства: «После вилл следуют замки. Но замки незначительны во всей этой области, которую окаймляют виллы и которая наполнена не самыми славными и многочисленными провинциальными городами. Город, напротив, является центром, словно некий глава и повелитель; они же стоят вокруг, расположенные каждый на своем месте, – словно это луна окружена звездами, как правильно говорил некий поэт; и прекраснейшее явление возникает из этого вида. Ведь как на щите с концентрическими кольцами самый внутренний круг находится на умбоне, который есть середина всего щита, так и здесь, равным образом, мы видим опоясанные и окруженные области, как будто некие кольца. Город же из других городов главнейший, словно какой-то умбон, является серединой всей округи. С другой стороны, он опоясан стенами и предместьями. Предместья снова окружают виллы, виллы же – города, и эта самая отдаленная область окаймляется более большой окружностью и кольцом. Между городами находятся замки и крепости, возвышающиеся до неба, – безопаснейшие убежища для земледельцев» [14].

Говоря о ренессансной риторике, нельзя обойти вниманием произведения Исократ, Платона и Демосфена. Под их влиянием находился Цицерон, и этот факт, без сомнения, был важной причиной для гуманистов, чтобы восстановить их изучение в Италии. Первоначально речи Исократ стали известны благодаря переводам Гварино Веронезе [15]. Многие во взглядах афинского оратора было очень созвучно с воззрениями ранних гуманистов. Так, он полагал, что риторика учит не только произнесению речей, но мышлению и правильному поведению, воспитывая в людях жизненную стойкость. Большой интерес для итальянских гуманистов представлял и платоновский диалог «Горгий», в котором был дан критический анализ греческой риторики. Из «Oratio de litteris graecis» Феодора Газы следует, что он, кроме преподавания грамматики в Феррарском университете, также прочитал курс лекций и по греческой литературе, в том числе риторической. Газа упоминает о сильном влиянии греков на самых выдающихся римских ораторов, политиков, поэтов и писателей. Апелляция к латинским авторитетам была очень действенна, и Газа постоянно использует этот прием, чтобы убедить своих студентов в

необходимости греческих штудий: «Я прошу, представьте себе ваших предков, мужей, достойных самого славного подражания, которые вследствие высочайшей образованности в греческой литературе стали мужами ученейшими и красноречивейшими, и, прежде всего, Марка Туллия, который более других остальных авторов имел обыкновение постоянно читать Демосфена и Платона, поскольку он мог переводить части демосфеновых «Филиппик» и подражать на латыни платоновским диалогам...» [16]. И далее: «Демосфен будет учить Вас разнообразным периодам речи и столь значительной силе произнесения, которой не смог когда-либо на людской памяти добиться ни один оратор. Платон воочию будет показывать Вам удивительное достоинство и прелесть речи» [17].

За XV в. было сделано не менее пяти различных переводов демосфеновой «De corona». В числе наиболее удачных из них – версия Бруни, который также перевел три речи Эсхина, знаменитого оппонента Демосфена, что дало представление о политической борьбе в Афинах в период афино-македонского противостояния. Далее последовали латинские версии Валлы и Георгия Трапезундского [18]. Отталкиваясь от собственного перевода речи «О помощи жителям Олинфа», кардинал Виссарион Никейский доказывал необходимость нового крестового похода против турок [19]. Ораторский талант Демосфена, эффективное использование средств риторического украшения, тщательное соблюдение ритмики и обдуманное употребление всех видов стиля в тесной связи с предметом речи были высоко оценены гуманистами. Демосфен был признан ими лучшим образцом политического красноречия, вторым после Цицерона. Меланхтон даже присудил ему место величайшего оратора всех времен.

Среди авторов, оказавших влияние на концепцию гуманистического красноречия, необходимо назвать и Аристотеля. Хотя его «Риторика» была переведена еще Гийомом из Мербеке перед 1270 г. [20], аристотелевские идеи активно ассимилировались и осмыслялись потом, уже на новой гуманистической почве деятелями раннего Возрождения. В качестве примера можно привести следующее рассуждение Бруни о необходимости соблюдения ритма в любом виде литературы. Так, он пишет: «В прозе, как и в прозаической речи, это умение писать и говорить кажется равным образом необходимым. Свободной

прозаической речи также присущи стопы (pedes), если даже большинство их не чувствует, потому и там есть то, что услаждает слух, что ласкает звуком. Также очень важно, как представляется Аристотелю, с какой стопы следует начинать и какой заканчивать, какие, напротив, нужно допускать в середине и какие отбросить. Аристотель более всего одобряет педан. Последний же бывает двояким: или состоит из долгого слога, за которым следуют три кратких, или из трех кратких и долгого, стоящего в конце. Он полагает, что этот последний вид педана соответствует концу, а первый – началу, но лучше всего эта самая стопа подходит середине. Дактиль же и ямб он откладывает для середины, один – как слишком высокий, другой – как низкий» [21].

Существенный вклад в развитие ренессансной риторики был сделан Георгием Трапезундским. Своим трактатом «Rhetoricorum libri V» этот ученый познакомил гуманистическую публику Италии с византийской риторической традицией, отталкиваясь от трудов Дионисия Галикарнасского, Максима Философа, а также высоко уважаемого в Византии Гермогена Тарсийского, известного сочинением в области стиля. В своем трактате Георгий объяснил двадцать одну форму риторических эффектов в трактовке Гермогена, позволяющих оратору воздействовать на аудиторию эмоционально и логически, а также изложил способы их практического достижения. Таким образом, византийскому эмигранту не только удалось расширить представление итальянских гуманистов о «центральной» дисциплине *studia humanitatis*, но и создать общепринятое руководство по риторике для позднего кватроченто и всего чинквеченто [22].

Фигурой, чье появление на Арно способствовало переходу флорентийского гуманизма с ранней риторической стадии к философской, был, несомненно, Иоанн Аргиропул, хотя определенная, но не главная заслуга в этом процессе принадлежит также Гемисту Плифону и отчасти Мануилу Хрисолору, который попытался ввести в свое обучение немного платоновской философии. Аргиропул, занимая кафедру риторики во Флорентийском университете, фактически уступил этот предмет своему недавнему конкуренту Кристофоро Ландино, посвятив себя целиком преподаванию философии [23]. Его учительский талант принес ему широкую известность, несмотря на две опрометчивые ошибки, связанные с критикой двух столпов

флорентийского гуманизма – Цицерона и Бруни [24].

В речи, произнесенной Ландино в 1478 г. на похоронах Донато Аччайуоли, автор вспоминает, как повлиял на того приезд во Флоренцию Иоанна Аргиропула, «преуспевающего во многих науках и первого среди философов нашего времени. Из этого обильного и неиссякаемого источника черпал он всякого рода философские познания и, как говорит поэт, не только “коснулся губами чаши священной”, но “сполна осушил” ее “до дна золотого”. У него Донато обучался диалектике, а также этике, то есть разделу философии, посвященному поступкам и нравам, и при этом узнавал, какова цель всех жаждущих блага и какие дела или пути к ней ведут; узнал, как следует управлять государством, семьей, самим собой, и не только изучил все это, но воплотил на деле, так что его можно назвать философом не только в науке, но и в жизни, в поступках, как того требует упомянутое учение» [25]. На основе лекций Аргиропула Донато составил известный комментарий к «Никомаховой этике» Аристотеля, который был издан в 1478 г. вместе с переводом этого сочинения, который выполнил сам византийский ученый.

Аргиропул явно отстает от гуманистических идеалов раннего кватроченто с их акцентом на союзе красноречия и философии, полагая, что последняя является вершиной знания и несет несравнимо большую ценность, чем риторические работы. В своем раннем сочинении, написанном как предисловие к переводам двух трактатов Аристотеля, греческий эмигрант демонстрирует собственные предпочтения своему флорентийскому покровителю Пьеру Медичи, замечая по поводу не упомянутых им, но вероятно переведенных риторических работ следующее: «Ибо хотя это едва ли кажется достойным внимания даром переводить на латинский язык и даровать тебе книги некоторых ораторов, но все же это не смогло бы когда-либо показать мое к тебе благоволение и необычайную любовь и, как я считаю, ни одному из нас не сохранило бы достоинство. Ибо это очень легко может быть сделано и делается, как ты знаешь, часто любими, и обращать твой превосходный и высочайший разум ко мнениям общепринятого и, так сказать, к змеям земли было бы нелепо, очень скудно и слишком презренно. Кроме этого, их суждениям свойственна не такая польза, как философским сочинениям, более того, в последних к их собственному (т.е. ораторов)

авторитету также добавляется огромный аристотелевский, он же поистине величайший. Что же из этого может следовать, суди сам. Я считаю, что никто не может быть преуспевающим и не будет, если не пойдет от основ пренебрегаемых и мало ценимых каких-либо ораторов к тайной философии и утонченным суждениям Аристотеля, весьма изящно объясняющим и освящающим все со страстью. Это будет так, словно была обнаружена легкая и очень короткая дорога к добродетелям и счастью. Ныне же, как тогда, нет никого, кто не изберет охотно этот открытый путь, если не будет продвигаться вперед этой царской и священной дорогой к залам философии, если кто-нибудь, возможно, не предпочтет следовать через удаленные и тернистые места к той же цели, что никто в здравом уме не будет делать» [26]. В отличие от Бруни, который отмечал в предисловии к его версии «Политики» в 1435 г., что «Аристотель, несомненно, наполнил эти книги таким красноречием, таким многообразием и богатством, таким изобилием рассказов и примеров, что кажется, они написаны почти в ораторском стиле» [27], Аргиропул сожалеет, что переводимое им сочинение «De interpretatione» написано очень сложным языком и что «оно тяжело для понимания не столь по причине своего предмета, сколь из-за образа речи; именно поэтому я не знаю, почему Философ пожелал в этом свете сделать известным сочинение столь непонятное, что оно кажется образцом и основанием самого затруднения» [28].

По мнению Аргиропула, спекулятивная философия совершенствует познавательные способности человеческого разума, тогда как этика – его действия [29]. Но моральная философия рассматривается им не в отдельности, а как зависящая от спекулятивного знания. Для Аргиропула было важно указать, что рассуждение о человеческой душе было предметом как естественной, а следовательно, спекулятивной, так и моральной философии, но последняя, определяя путь к благу, не только активному, жизненному, но и к его высшему, умозрительному виду, требовала спекулятивного знания природы души [30]. Следуя за Аристотелем Аргиропул считает самым прекрасным из спекулятивных действий то, которое связано с созерцанием бессмертного бога и ведет соответственно к достижению высшего счастья и наслаждения [31].

Новый взгляд на соотношение двух разделов философии отразился в переосмыслении

ученым роли Сократа, воспринимавшегося ранними гуманистами в качестве первого морального философа, переключившего внимание от спекулятивной философии, не несущей практической пользы, на изучение этики, тесно связанной с красноречием. Аргиропул расставляет акценты совершенно противоположным образом. Его Сократ – это прежде всего философ, который перенаправил внимание людей, занятых риторикой, через этику, к истинной мудрости, связанной, в конечном счете, с изучением спекулятивного философского знания: «Сократ через разъяснение моральной философии приобщал людей к наукам, и поэтому его именуют моральным, хотя он был превосходным спекулятивным философом. Он видел в то время людей, предавшихся судебному красноречию, от которого он их отзывал и приобщал затем к изучению мудрости и собственных совершенств» [32].

Идеи Аргиропула в различной степени сказались на его учениках. Среди того комплекса знаний, который интересовал Донато Аччайуоли, были не только гуманитарные дисциплины, но также физика, математика и богословие. Ландино называет его «метафизиком», поскольку Донато исследовал идеи о божественном не только у платоников и аристотеликов, но и в христианском учении [33]. В сочинениях другого ученика византийского философа – Аламанно Ринуччини – можно найти как продолжение ранней гуманистической традиции, так и свидетельства явного контраста с ней. Так, в речи, произнесенной на похоронах Маттео Пальмиери, Ринуччини пишет, что «двойственный характер счастья указывает нам на выдвинутые философами два образа жизни, один из которых состоит в общественной гражданской активности, другой, удаленный от всякой деятельности, устремлен к познанию высших материй» [34]. Для Ринуччини был важен средний путь, сочетающий в себе достоинства обоих, что нашло отражение в его «Диалоге о свободе», который является значительным произведением этико-политической литературы итальянского гуманизма второй половины XV в. [35].

Форма диалога, выбранная автором для сочинения, указывает на его симпатию к риторике, однако в этом произведении Ринуччини показал широкий круг своих ученых интересов. Он отмечает, что провел жизнь в занятиях науками, которые считает лучшей формой занятий. «Не ограничиваясь

грамматикой и ораторским искусством, что, как я вижу, по большей части случается, я главным образом тратил весь досуг на чтение поэтов, ораторов и историков. Просвещенный, как казалось, достаточно познанием их, я посвятил себя философии, которую поистине можно назвать руководителем в жизни. Итак, я упорно старался получить от самих занятий не только украшение или достойное удовольствие для души, но также поддержку в добродетельном образе жизни» [36].

Следуя за византийским учителем, который выделял три вида счастья – созерцательный, деятельный и смешанный, объединяющий оба предыдущих вида, Ринуччини на основе представлений философов о высшем благе, или счастье, понятиях для него тождественных, заключает, что, даже следуя за Аристотелем, который усматривал последнее не в состоянии покоя, а в действии, мы, «несомненно, все же придем к тому, что справедливо видеть основу счастья в душевном покое и отсутствии волнений, так как ум, настроенный подобным образом, весьма легко устремляется к деятельности активной или созерцательной» [37].

Находясь в оппозиции Медичи, Ринуччини выбирает компромиссный путь между проявлением социальной активности, что в условиях неприятия тиранического режима было для него невыносимо, и позицией созерцателя, удалившегося от государственных дел ради изучения наук и литературных занятий. Он ищет духовной свободы для независимой интеллектуальной деятельности и творчества, посредством которых старается служить общественной пользе. Через познание наук, пишет Ринуччини, он пришел к пониманию счастья как спокойствия и свободы духа [38], которую он возвел в категорию высшей моральной ценности, но ее достижение, как и достижение самого счастья, возможно только через следование идеалам гражданственности. Такая связь этического идеала Ринуччини как с политической активностью, так и с научными занятиями (в особенности его высокая оценка роли спекулятивного знания), отличает его взгляды от ранних представителей гражданского гуманизма.

Отдавая дань уважения гуманистической увлеченности риторикой, Ринуччини в своем трактате о надлежащем образовании требовал лучшего отношения к философским занятиям, называя порочными и невежественными тех из учителей словесности, которые не осведомлены

о диалектической и моральной философии и замкнуты в сфере риторики и истории, удерживая в этих границах и своих учеников [39]. Эта же мысль изложена им в письме к Роберто Сальвиати (1489): «Действительно, немногие незадолго перед настоящим временем, как я бы выразился, прикасались устами к философии, в которой заключается знание природы и сверхъестественных вещей, полагая, что достигли в ней более чем достаточно, если изучили “Моралии” Аристотеля. Я говорю о наших согражданах; несмотря на некоторых, кто занимался философией как частью религиозного порядка или желая обучать медицине, сочинения тех, которые задолго перед нашим временем преподавали *studia humanitatis*, показывают, что, кроме Джаноццо Манетти, ты найдешь меж ними наименьшее число сведущих в философии (*inter quos praeter unum Iannoctium Manettum paucissimos in philosophia peritos invenies*)» [40]. Подобно Аргиропулу Ринуччини полагал, что задача моральной философии – подготовить разум к постижению более высоких наук. Как отметил Дж. Сигел, такие взгляды подразумевали большую симпатию к средневековой схоластической культуре, чем у представителей раннего гуманизма. Ринуччини признавал достижения гуманистов в возрождении истинного красноречия, отличавшего их стиль от грубой манеры средневековых авторов, гордился тем, что его современники восстановили древние стандарты не только в грамматике, риторике и поэзии, но также в живописи, скульптуре и архитектуре, однако при этом он утверждал, что схоласты достигли знания многих великих вещей, к которому, за редким исключением, не смогли подойти сами гуманисты до приезда Иоанна Аргиропула [41].

Наконец пересмотру стали подвергаться и взгляды гуманистов о характере философской речи. В полемике с Барбаро о языке философии Пико утверждает первенство «сущности» над «формой». Он не возражает против риторики как таковой, но против подмены ею философии, против злоупотребления красноречием там, где нужна последовательность рассуждений и четкое определение терминов. «Нет образованного человека без осведомленности в изящной словесности; – пишет Пико в письме к Барбаро, – но без посвященности в философию нет человека» [42].

Подводя итог, следует отметить, что явные отличия гуманистов типа Ринуччини и Фичино от их предшественников раннего кватроченто

отнюдь не свидетельствуют о потере риторикой ее особого статуса в области гуманистических дисциплин. Тем не менее, усилиями византийского учителя один из векторов интеллектуальных интересов гуманистов стал отклоняться в сторону спекулятивного знания, в том числе того, которое относилось к *philosophia naturalis*, столь критично отвергнутой Бруни, как не приносящей практической пользы. При этом необходимо учитывать, что концепция ренессансного красноречия до конца сохраняла положение определяющей характеристики всего гуманистического движения.

Список литературы и примечания

1. Gray, H.H. Renaissance Humanism: the Pursuit of Eloquence / H.H. Gray // *Journal of the History of Ideas*. – 1963. – Vol. 24. – № 4. – P. 497–514.
2. Ibid. – P. 501–502.
3. Bruni, L.A. Humanistisch-Philosophische Schriften. Mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / L.A. Bruni / Ed. Hans Baron. – Leipzig–Berlin, 1928. – S. 13.
4. Ibid. – S. 7.
5. Siegel, J.E. The Teaching of Argyropulos and The Rhetoric of The First Humanists // *Action and Conviction in Early Modern Europe. Essays in Memory of E.H. Harbison* / Ed. T.K. Rabb and J.E. Siegel. Princeton, 1969. – P. 239–240, 247.
6. Bruni, L.A. Op cit. S. 21.
7. Gray, H.H. Op. cit. P. 506–507.
8. Leonardo Bruni's *Laudatio Florentinae Urbis* // Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni: Studies in Humanistic and Political Literature. – Chicago–London, 1968. – P. 232–263.
9. Baron, H. Chronology and Historical Certainty: the Dates of Bruni's *Laudatio* and *Dialogi* // H. Baron. From Petrarch to Leonardo Bruni. – P. 102–137.
10. Rubinstein, N. Florentine Constitutionalism and Medici Ascendancy in the Fifteenth Century // *Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence* / Ed. N. Rubinstein. – London, 1958. – P. 442–453.
11. Baron, H. Imitation, Rhetoric and Quattrocento Thought in Bruni's *Laudatio* / H. Baron. From Petrarch to Leonardo Bruni. – P. 151–171.
12. Ibid. P. 158. Not. 16.
13. Bruni. *Laudatio*. – P. 238.
14. Ibid. P. 240.
15. Wilson, N.G. From Byzantium to Italy: Greek Studies in the Italian Renaissance / N.G. Wilson. – London, 1992. – P. 16.
16. Mohler, L. *Aus Bessarions Gelehrtenkreis: Abhandlungen, Reden, Briefe von Bessarion, Theodoros Gazes, Michael Apostolios, Andronikos Kallistos, Georgios Trapezuntios, Niccolo Perotti, Niccolo Capranica* / L. Mohler. – Paderborn, 1942. – Bd 3. – S. 255–256.

17. Ibid. P. 256–257.
18. Wilson, N.G. From Byzantium to Italy. – P. 16–17, 68–69, 77–78.
19. Patrologiae Cursus Completes. Series graeca / Ed. J.P. Migne. – Parisiis, 1866. – T. 161. – Col. 669–676.
20. Fryde, E. The Early Palaeologan Renaissance (1261 – c. 1360) / E. Fryde. – Leiden, 2000. – P. 141.
21. Bruni. Schriften. S. 9-8.
22. Monfasani, J. George of Trebizond: A Biography and a Study of his Rhetoric and Logic / J. Monfasani. – Leiden, 1976. – P. 241 f. См. также: Geanakoplos, D.J. Constantinople and the West: Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches / D.J. Geanakoplos. – Madison, 1989. – P. 18–19, 43–44.
23. О философских взглядах Иоанна Аргиропула см.: Брагина, Л.М. Аргиропуло (из истории философии итальянского Возрождения) / Л.М. Брагина // Византийский временник. – 1968. – Т. 31. – С. 237–255.
24. Siegel, J.E. Op. cit. P. 244–245; Geanakoplos, D.J. Op. cit. P. 105, 112.
25. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Сост. Л.М. Брагина. – М., 1985. – С. 206.
26. Praefatio Iohannis Argyropyli... ad Petrum Medicem in libros Aristotelis de interpretatione et Generatione ratiocinationis // Siegel J.E. The Teaching of Argyropulos. – P. 257–258.
27. Bruni. Schriften. S. 74.
28. Praefatio Iohannis Argyropyli. – P. 259.
29. Müllner, K. Reden und Briefe Italienischer Humanisten. Ein Beitrag zur Geschichte Pädagogik des Humanismus / K. Müllner. – Wien, 1899. – S. 24.
30. Ibid. S. 43–48.
31. Ibid. S. 30.
32. Siegel, J.E. Op. cit. P. 249.
33. Сочинения итальянских гуманистов. С. 206–207.
34. Там же. С. 187.
35. См.: Брагина, Л.М. Аламанно Ринуччини и его «Диалог о свободе» / Л.М. Брагина // Средние века. – 1982. – Вып. 45. – С. 119–140.
36. Сочинения итальянских гуманистов. С. 179–180.

37. Там же. С. 180.

39. Siegel, J.E. Op. cit. P. 252.

**RHETORIC OF EARLY ITALIAN HUMANISM AND SCHOLARLY ACTIVITY
OF JOHN ARGYROPOULOS**

P.A. Ryzanov

During the first half of the Quattrocento, rhetoric and related subjects of the humanities took the central place in the intellectual and literary priorities of the Italian humanists. Herewith the metaphysical philosophy (unlike the moral one) and natural sciences were considered to be the least useful for life. However, in the second half of the 15th century under the influence of scholarly studies of John Argyropoulos in Florence the Italian humanists' interest for rhetoric and moral philosophical problems began to give way to the interest for speculative and natural philosophy.

38. Там же. С. 181, 182.

40. Ibid. P. 253.

41. Ibid. P. 254-255.

42. Сочинения итальянских гуманистов. С. 261.